

Поскольку уроки и школьные работы стали занимать большую часть их времени, Гарри и Гермиона были вынуждены использовать выходные для завершения организационной структуры своей компании. Формы, которые необходимо было заполнить и отправить, также отнимали у них много времени, к счастью, формы были волшебными, любые ошибки были быстро и легко исправлены без необходимости бегать за новыми формами. Они могли понять, почему мистер Люпин предсказал, что им может потребоваться до декабря, чтобы завершить и подать заявку, глядя на различные подразделы, о которых необходимо позаботиться, Гарри и Гермиона задавались вопросом, можно ли их сделать даже к Новому году..

Восторг, который они испытали после успешного испытания своего «Зондирования ауры» и отличный прогресс в их дуэльной практике, был омрачен жалким учением Защиты от темных искусств. С угрозой Гарри все еще звенящей в его ушах, Локхарт сосредоточил свое внимание на Драко Малфое, вероятно, в попытке вернуть Гарри. Если вы пытались использовать ревность как средство для привлечения человека, который лучше, чем соперник, привлекает ваше внимание, по крайней мере, так Гарри и Гермиона думали о тонко завуалированных попытках профессора. Локхарт продолжал использовать добровольца из класса в качестве своего действующего партнера для постановочной встречи из его книг, и чаще всего Малфой оказывался в центре внимания, и он наслаждался вниманием.

«Я имею в виду, что Малфой должен быть тупее, чем я думал, если бы он не мог обнаружить очевидное отсутствие осмысленного обучения в классах Локхарта. Я знал, что он привлекает внимание, но это главное. Интересно, знает ли он, что делает дурак, когда он выходит на сцену рядом с профессором, - однажды сказал Гарри Гермионе в классе.

В большинстве случаев после таких занятий Малфой хвастался своим превосходством и знанием предмета как причиной того, что его призвали помочь почетному члену Лиги Защиты Темной Силы. Он часто пытался спровоцировать Гарри на конфронтацию из-за его предполагаемых навыков как причины предпочтения учителя. Гарри, тем не менее, сохранял хладнокровие, так как знал настоящую причину отсутствия какого-либо существенного обучения и необходимости таких жалких оправданий, чтобы проводить время в классе.

Гарри, Гермиона и их друзья, однако, использовали время, которое они потратили, не рассудительно слушая фарс. Книги о дуэлях, любезно предоставленные профессором Флитвиком, а также книги, прописанные Квирреллом для студентов второго курса за год до этого, нашли нетерпеливые руки и умы. Они надеялись, что возвращение директора школы положит конец издевательствам, но, увы, этого не произошло.

«Я не знаю, стал ли Альбус дряхлым или он теряет интерес к своим обязанностям, он отказывается уволить мошенничество», - воскликнула профессор МакГонагалл группе друзей, нетерпеливо ожидающих в берлоге. Директор вернулся из своего визита в Женеву и встречи членов ICW.

"КАКИЕ!" воскликнул каждый из них.

«Даже после того, как показали ему отчет, который составили эти двое?» Взрыв Сьюзен был, безусловно, самым громким.

Хотя она не ответила, смиренное выражение на лице заместителя директора было достаточным доказательством результата. Сьюзен пошла дальше и написала своей тете о выводах Гарри и Гермионы о книгах, написанных Локхартom, но даже она ничего не могла с этим поделать, в последнюю очередь - обвинить его в мошенничестве. Поскольку он никогда публично не заявлял, что его сочинения были чем-то большим, чем вымысел, ее руки были связаны. Вдобавок к этому, поскольку она недавно была назначена главой DMLE, она не могла поставить под угрозу свое положение без конкретных доказательств, подтверждающих какие-либо утверждения.

«Возможны любые варианты мирного удаления», - вздохнул профессор Флитвик. «Я надеюсь, что в его классе не произойдет ничего серьезного, что приведет к травме учащегося или того хуже, чтобы мы выступили против него».

Гарри был задумчив, но с облегченной улыбкой, играющей на его лице: «Это еще одна причина для нас брать дополнительные уроки, которые вы даете нам, профессор. Я, например, не пропустил бы свой сон из-за его отношения».

«Гарри! Как ты можешь так говорить, мы обязаны разоблачить мошенничество против того, кем он является, и помочь однокурсникам», - воскликнула Гермиона.

Профессор МакГонагалл не стеснялась слов и отвергла протест Гермионы: «Нет, моя дорогая, вам, как студентам, не нужно делать что-либо подобное. Если Локхарт перейдет в наступление, вы окажетесь в очень трудном положении. избегайте неприятностей со стороны его адвокатов. Я, как человек, обладающий авторитетом в школе, не мог ничего сделать против него и то же самое для Амелии как главы DMLE. Вы сделали все возможное, чтобы выявить его некомпетентность, и это все, чего мы могли ожидать от вас ».

Это заявление от любимого профессора очень расстроило Гермиону. Гарри не стал предлагать никаких других комментариев, кроме его безмолвной поддержки и понимания, проявленных в его сжатых пальцах, переплетенных с ее собственными. Она действительно смирилась с тем, что они мало что могли сделать, и присущее ей уважение к авторитетным фигурам не позволяло энергично защищать ее предыдущий протест. В конце концов она согласилась с Гарри, что они действительно выиграли от сделки и учились у лучших с точки зрения защиты. Поэтому она быстро извинилась перед профессором и вслух поблагодарила Гарри за его молчаливую поддержку.

Однако профессор трансфигурации отмахнулся от извинений Гермионы: «Ты не сделала ничего плохого, Гермиона, и твоё желание помочь всем ученикам, а не избранным, заслуживает похвалы. Однако тебе нужно знать, что ты не всегда можешь получить то, что хочешь, и особенно когда у вас нет возможности вмешаться ».

Это вернуло улыбку на лицо Гермионы, но она сменилась озорной улыбкой, когда профессор продолжил: «Теперь, если признанный мастер каким-то образом должен был опозориться публично, то его удаление становится несущественным, поскольку DMLE может вмешаться и расследовать обвинения в мошенничестве или мошенничестве. даже подвергая опасности учеников, находящихся в его ведении ». Ухмылка, сопровождавшая это заявление, выглядела

тревожной на лице обычно строгого профессора. Гарри вслух задумался, чувствовал ли Гилдерой Локхарт ощущение, что кто-то переступает через его могилу, к большому удовольствию остальных.

Тем временем Сьюзен энергично кивала головой в поддержку профессора МакГонагалл, признавая, что это был совет, который она в значительной степени получила от своей тети. Никакое планирование не приведет к ситуации, которая приведет к падению Локхарта, они могут только выжидать и использовать любую возможность, которая появится.

Сцена перерыв

Воскресный вечер был веселым временем для Гарри и Гермионы, но то, что было весело для них, не для остальных. Весь день и вечер, начиная с обеда, обычно проводились в компании первокурсников, пытаясь помочь им в учебе или просто сочувственно выслушивая их проблемы. Новые студенты тоже оценили их помощь и сразу же приняли предложение дружбы.

Гарри начал замечать легкие покалывания в своем шраме всякий раз, когда он был в компании первокурсников в гостиной Гриффиндора. Его первоначальная мысль заключалась в том, что проклятия на диадеме воздействовали именно на него из-за связи с Волан-де-Мортом через его шрам, даже несмотря на то, что диадема хранилась в пространстве, размерно сильно отличавшемся. С помощью Гермионы он сократил количество случаев до двух случаев, когда его шрам болел: один был, когда он был только в общей комнате, а другой был в том, что его шрам болел только в первые годы, когда они работали над своим домашним заданием, более особенно девочек того года.

«Что происходит, Гарри? Каждый год происходит что-то, что подвергает тебя опасности, и каждый из случаев связан с Волан-де-Мортом. Я имею в виду, что это школа, и каждый должен быть в безопасности, не опасаясь за свою жизнь. Все, что знает об этом профессор Дамблдор и до сих пор отказывается помочь вам, - разочарованно заявила Гермиона.

Что Гарри мог на это ответить? Гермиона в значительной степени подытожила все, в том числе и с аккуратно завязанным бантом. «Я напуган, Гермиона», - признался Гарри. Завтра был Хэллоуин; день, который был очень болезненным для Гарри, и это также было одной из причин таких болезненных мыслей.

Увидев, что ее брови в замешательстве нахмурились, он пояснил: «Боюсь, что Волан-де-Морт каким-то образом проклял меня». Когда Гермиона попыталась отрицать это, Гарри просто крепче обнял ее и продолжил: «Подумайте об этом, каждый раз, когда я нахожусь рядом с ним или с тем, что мы считаем его магической подписью, я испытываю ослепляющую боль, которая делает меня неподвижным. Спасибо. К нашему обучению окклюменции, я могу по крайней мере отражать боль и двигаться, даже если это нужно для бегства. Это говорит мне, что я нахожусь под воздействием его магии. Какое еще объяснение у вас есть для этой Гермионы? "

Гермиона подавила рыдание, которое угрожало вырваться из нее, она яростно обняла его и

послала поцелуй, который требовал любви Гарри и демонстрировал ее желание провести с ним всю жизнь. «Что бы это ни было, Гарри, мы будем бороться с этим до конца. Я не в настроении терять тебя, я буду сражаться с тобой, как бы тяжело это ни было и сколько бы времени это ни длилось. Поверь мне!» - убежденно проговорила она.

«Я знаю Гермиону, поверьте мне, я знаю. Это сила, которую вы даете мне, позволила мне спать по ночам. Вы не представляете, как много мыслей о проклятии Волдеморта напугали меня, но в конце концов все мои мысли возвращаются к тот факт, что ты рядом со мной, и все, чего я боюсь, становится незначительным ".

Перед таким оптимизмом, который естественен для молодых, болезненные мысли и страхи не устояли. Гарри и Гермиона позволили общему теплу их объятий унять их страхи. «Я думаю, мы должны составить план, Гарри. Мы должны попытаться довериться нескольким людям, таким как MCG, Уик (их прозвище профессора Флитвика) и, возможно, даже тетя Сьюзан. Я уверен, что есть кто-то из представителей закона. наша сторона полезна ".

Гарри искренне согласился с ее предложением: «Мы действительно уверены, что то, что мы думаем, правильно? Я имею в виду, что я не хочу вмешиваться и говорить, что Волан-де-Морт живет внутри меня или что-то в этом роде».

«Да, это тоже правда; у нас должна быть какая-то конкретная информация или, по крайней мере, достаточные доказательства для подтверждения наших утверждений. Не хотим ли мы сейчас сажать вас в психушку?» она хихикнула. Это нарушило мрачное настроение и принесло столь необходимое легкомыслие. Они продолжали прижиматься к костру и время от времени делились нежными поцелуями, они были полны решимости насладиться несколькими минутами, оставшимися до их отдыха.

Гермиона заметила, что Джинни Уизли украдкой поглядывает на них с задумчивым взглядом и тяжелыми вздохами, пока что-то пишет. Гермиона мягко прервала объятие и решительным шагом подошла к первокурснику. Она случайно взглянула на книгу, которую писала Джинни, и поняла, что это дневник.

«Мне очень жаль, Джинни. Я не думала, что ты будешь писать в дневнике, могу я поговорить с тобой минутку?» - спросила Гермиона пораженную девушку. Джинни бросила на Гарри взгляд, который, как предполагалось, был хитрым, но для пары был явно задуман как задумчивый.

Покрасневший от того, что ее поймали, Джинни закрыла старый невзрачный дневник и пробормотала: «Ничего страшного, ты не знал об этом. О чем ты хочешь поговорить?» она положила книгу в сумку, но не раньше, чем Гарри уловил золотую надпись на полях: «Т.М. Риддл». «Что бы Джинни сделала с чужим старым дневником?» - размышлял он.

«Джинни, тебе нравится Гарри?»

Чего бы Джинни ни ждала, это определенно не то. Даже Гарри был ошеломлен этим грубым вопросом, но, прежде чем он успел заикаться, продолжила Гермиона. Хотя Джинни не

ответила на ее вопрос, смущение, ясно написанное на ее лице, и украденные взгляды, как будто она пыталась выскочить из комнаты, были достаточным подтверждением. «Джинни, нет ничего плохого в том, чтобы кому-то нравиться, и влюбленность также является обычным явлением в нашем возрасте. Что неприемлемо и осмелюсь сказать нездорово, так это то, что ты необоснованно относишься к этому».

Гермиона печально улыбнулась: «Поверьте мне, я была там раньше с Локкартом, и потребовалась борьба с Гарри, чтобы показать мне, насколько я был неправ. Гарри и я полны решимости сделать наши отношения успешными и продлиться всю жизнь. Я уверен, что вы, должно быть, уже догадались, что у нас нет подросткового романа; я действительно надеюсь, что вы понимаете этот факт. Мы хотели бы, чтобы вы были другом, но если вы продолжите вести себя как похотливая девушка, которая не может даже поговорить в его присутствии, я боюсь, что тебе будет больно ».

Гарри и Гермиона увидели, что Джинни обидело довольно сильное напоминание. Гермиона знала, что ее слова причинят боль младшей девушке, особенно той, которую кормили ночными рассказами о герое-волшебнике «Мальчик-который-выжил». Лучше было немного пострадать вначале, чем потом быть неизлечимым.

Гермиона смягчила свою позицию и осторожно обняла расстроенную девушку: «Прости, Джинни, но ты должна понять это и двигаться дальше. Мы хотим быть твоими друзьями, но тебе придется отказаться от своей любви, пока это не усложнилось. позже, чтобы сильно тебя обидеть ».

Джинни боролась со слезами и с храбрым лицом пробормотала робкое «Спокойной ночи» и прошептала «Спасибо за помощь» Гермионе и удалилась в общежитие Девочки.

Наблюдая, как она отступает назад, Гарри повернулся к Гермионе: «О чем все это было?» - риторически спросил он. «Вы видели усталые глаза и темные круги под ее глазами? Вы думаете, что она тоскует по дому и с четырьмя братьями в одном доме тоже?»

Гермиона вздохнула, обеспокоенная маленькой Джинни Уизли. Она была бы гораздо более обеспокоена, если бы Гарри выразил собственное беспокойство по поводу боли в его шраме, вспыхнувшей в непосредственной близости от Джинни, особенно когда она писала в тот дневник, явно бывший в употреблении.

Сцена перерыв

«Комната требований» оказалась очень универсальным инструментом для двух друзей. Хотя они по-прежнему использовали логово для встреч со своими друзьями или профессорами, почти все, что они делали с точки зрения своих исследований заклинаний или практики дуэлей, делалось в комнате. Там они могли практиковать даже смертоносные заклинания, не опасаясь причинить кому-либо вред или боясь быть шпионским и изгнанным за использование заклинаний, предназначенных для серьезных увечий или даже убийства вашего противника. Хотя они следовали совету Вика и включили такие заклинания в свой арсенал и усердно

практиковали, все же мысль об их использовании против человека была трудна для переваривания. Уничтожение очеловеченных манекенов было самым близким, к чему они могли сейчас подойти.

Гарри получил свое обычное письмо от тети Петунии, разделяющей боль потерянных близких в этот день, и, к его удивлению и благодарности, Дэн и Эмма Грейнджер также прислали свои воспоминания и поддержку. Это помогло Гарри очень быстро справиться со своим испугом, и, конечно же, Гермиона из всех сил старалась поддержать его боль и потерю. Жестокая тренировка на арене для дуэлей, которую предоставляет «Комната требований», также облегчила его боль намного лучше, чем могла бы сделать любая терапия. После еще одного плодотворного сеанса тренировочных дуэлей Гарри и Гермиона спускались в общую комнату, чтобы быстро переодеться, прежде чем отправиться на ужин.

Они спускались по ступеням, ведущим из общей комнаты в большой зал, когда Гарри внезапно напрягся, когда он услышал слова «Разорви.... Слез.... Убей», повторяемые пару раз, прежде чем его заставили замолчать.

Гермиона почувствовала, что что-то не так, когда Гарри напрягся и остановился посреди пустынного коридора, но прежде чем она успела спросить его, Гарри выпалил: «Ты слышала ту Гермиону?»

С не меньшим трепетом Гермиона задала самый очевидный вопрос: «Слышишь, что Гарри? Мне жаль, но я ничего не слышал».

Гарри взглянул на нее, и это означало, что мы поговорим об этом позже: «Я думаю, нам нужно пойти на ужин, мы можем поговорить об этом наедине».

После этого оба друга возобновили прогулку к большому залу, но на этот раз были остановлены из-за большой толпы студентов и преподавателей, смотрящих на стену напротив ванной комнаты девушки на втором этаже. Весь коридор был затоплен, но, видимо, не это было причиной беспорядков. Они попытались заглянуть за плечи толпы, но ничего не увидели. Только когда они начали расходиться, они увидели безжизненного кота, висящего на держателе фонарика на стене. Миссис Моррис, кошка смотрителя мистера Филча была "Мертвой!" Гарри и Гермиона ахнули в унисон.

Услышав их восклицание, Невилл ответил: «Нет, не мертвый, очевидно окаменелый».

Они слушали только половину внимания к тому, что он узнал об окаменении, читая слова, нарисованные красным под телом кота: «Враги наследника, берегитесь!» Гермиона прочитала слова вслух, и это привлекло внимание Драко Малфоя, который был готов вернуться в свою гостиную. Он остановился как вкопанный и повернулся лицом к Гарри и Гермионе, действие, которое успокоило и остальных, и взглянул на надвигающуюся конфронтацию, если ухмылка на лице Малфоя была хоть каким-то признаком.

«Ты будешь следующей грязнокровкой! Законный наследник Салазара Слизерина очистит мир

от всех, кто не заслуживает», - бушевал он.

Его воззвание вызывало аханье, независимо от того, было ли оно направлено на использование нецензурной лексики или само заявление не было бы известно. Насмешки и оскорбления в ее адрес могли сработать еще до того, как она попала в Хогвартс, но с поддержкой Гарри Гермиона избавилась от этого робкого принятия и стала сильнее. Стоя рядом со своим лучшим другом и парнем, она излучала уверенность и требовала уважения к себе из-за своего замечательного ума.

Все остальные голоса заглушал пронзительный голос разгневанной заместителя директора: «Задержание на следующие две ночи со мной, мистер Малфой, и пятьдесят очков от Слизерина».

Выговор со стороны властей не смутил наследника Малфоев так сильно, как два взгляда, полные яда, направленные на него. Кремневые глаза двух разных цветов, один изумрудно-зеленый, а другой шоколадно-коричневый, обещавшие смерть или, по крайней мере, невообразимую боль, заставили Малфоя вздрогнуть и сделать произвольный шаг назад за двумя своими массивными друзьями, которые были для него мускулами. Если бы ситуация не была такой напряженной, выступление могло бы вызвать смех.

Потеряв аппетит, Гарри и Гермиона вернулись в свою общую комнату с остальными гриффиндорцами. Командуя любовным креслом и когда Гермиона заняла свое законное место на коленях Гарри, они обсудили это событие. «Вы думаете, что это была змея, которую вы слышали до Гарри? Это объясняет, почему я ничего не слышал, если это был змей».

Гарри тяжело вздохнул ей в шею: «Я не уверен, дорогая, но это единственное объяснение, которое соответствует фактам. Еще один Хэллоуин, когда случилось что-то странное, к счастью, на этот раз я ни в чем не участвовал».

Они молчали, обдумывая разные возможности. Молчание приветствовалось, когда им не о чем было поговорить, и их любящих объятий было достаточно, чтобы общаться за них. В конце концов Гарри поднял вопрос, который и был сутью обсуждаемого вопроса: «Какая змея может окаменеть животное и может ли она окаменеть и людей?»

Сцена перерыв

Дни, последовавшие за окаменением миссис Норрис, были полны хаоса и страха. Самая большая ошибка, сделанная директором школы, заключалась в том, что он не объяснил случившееся или, что еще хуже, не дал соответствующих подробностей того, что случилось со студентами в целом. Вдобавок к тому, что Драко Малфой расхаживал по замку и хвастался, что наступит день, когда чистокровные будут править волшебным миром, слухи начали распространяться очень быстро. Даже две ночи содержания под стражей не испортили светловолосого слизеринца, и весь дом купался в славе события, которое, очевидно, знаменовало возвращение Темного лорда Волан-де-Морта. Малфой не осмелился высказать свое мнение где-либо рядом с Гарри или Гермионой, но остальная часть замка и его население

были в игре.

Ситуация могла быть исправлена простым проявлением бдительности или демонстрацией силы преподавателями. Поскольку не было предпринято никаких шагов, чтобы не допустить повторения события окаменения, студенты начали опасаться за свою жизнь до такой степени, что передвигались только большими кучками. Первые годы начали искать Гарри и его группу друзей, невзирая на преграды в доме, и они изо всех сил старались изо всех сил помогать им в учебе. Демонстрация единства между группой из восьми друзей, в которую входил Колин, вызвала чувство спокойствия в хаосе, и профессора ослабили свое правило за опоздание на занятия для них, профессора МакГонагалл, Флитвик, Спраут и, что удивительно, Снейп даже присудили им баллы. случайно. В этом мрачном настроении объявление о создании школьного дуэльного клуба вызвало столь необходимый восторг.

«Интересно, кто будет учить клуб», - высказала Сьюзен мысль почти всех, кто собрался в большом зале после ужина в первый день клуба.

«Я надеюсь, что это профессор Флитвик», - высказала мнение Луна с нехарактерной лучезарной улыбкой предвкушения и сдерживаясь, чтобы не отскочить от стен. Это было свидетельством поддержки ее друзей и, не говоря уже о признаках особого внимания со стороны Колина, то, что обычно робкая девушка начала публично высказывать свое мнение.

«Я слышал, что Снейп тоже был очень талантливым дуэлянтом в молодости. Я тоже готов учиться у него», - заявил Гарри. Его заявление вызвало немало удивленных и даже недоверчивых взглядов тех, кто его слышал, особенно пожилых гриффиндорцев. Увидев реакцию своего взрыва, Гарри оскорбил взгляд и энергично возразил: «Что?» эффективно заставляя замолчать его критиков.

Прежде чем кто-либо смог заговорить, двери в большой зал с громким шумом распахнулись, и в их среду вошел Гилдерой Локхарт в ярких пурпурных одеждах. За ним последовали остальные преподаватели без директора, одетые в резкий контраст с профессором DADA в более приглушенных тонах, но специально предназначенные для сражений. Взмахнув плащом, Локхарт вскарабкался на приподнятую сцену и громко откашлялся: «Внимание, пожалуйста! Вы все меня видите? Я Гилдерой Локхарт, обладатель ордена Мерлина третьего класса, почетный член защиты Темной Силы. Лига и обладатель награды за самую очаровательную улыбку от журнала Witch's Weekly пять раз подряд ».

Его речь заставила восемь друзей закатить глаза в унисон, в то время как остальная часть женского населения чуть не упала в обморок от похоти. Выражения мужского населения варьировались от безразличия до легкого любопытства и пристального внимания к возможности узнать что-то новое. Однако большинство профессоров испытывали отвращение к откровенной демонстрации обаяния, направленной на женщин впечатлительного возраста. Профессор Снейп, как всегда, выглядел стоически, но профессора МакГонагалл и Флитвик озорно посмотрели на Гарри и его друзей и сказали: «Это ваш шанс, используйте его по максимуму». Друзья посмотрели друг на друга и мрачно улыбнулись, ожидая возможности сделать это.

Между тем профессор Локхарт не обращал внимания на различные заговоры, нацеленные на его падение, и пытался лести ведьмам-подросткам. Он снял свой плащ, подмигнув, бросил его группе ведьм Хаффлпаффа седьмого курса, которые чуть не разорвали его на части, пытаясь заполучить часть знаменитого разрушителя темных существ. Гарри подумал, что Локхарта на самом деле могли бы разорвать на куски, если бы те же ведьмы знали его истинное лицо.

«Персонал решил, что вы, ученики, должны научиться защищать себя в свете новой угрозы в школе и того, кто лучше меня, убийцы всего зла», - профессор поправил свои и без того чрезмерно уложенные волосы.

В порыве озорства Гарри спросил, сверкнув на профессора невинным взглядом: «Если ты здесь, чтобы сразить все зло, почему бы не пойти прямо в логово монстра и спасти всех девушек от беды». Его воззвание было встречено громким хохотом со стороны Хагрида, в то время как остальные отчаянно пытались не рассмеяться вслух. Профессор Снейп даже выглядел слегка впечатленным взрывом Гарри. Некоторые из девушек вокруг него выглядели возмущенными, в то время как некоторые хотели, чтобы они действительно были в беде, чтобы красивый профессор спас их.

Даже толстая кожа профессора не могла скрыть легкую прыгучесть смущения, покрасневшую его щеки. Профессор Локхарт ловко скрыл свое огорчение, вызвав профессора Снейпа на сцену для демонстрации, заверив наблюдателей с дерзкой улыбкой, что ему не будет причинен вред, «По крайней мере, не навсегда», - добавил он.

Те, кто знал профессора зелий, были бы обеспокоены мрачной улыбкой на его лице, улыбкой, которая сулила сильную боль всем, кто был на его взгляде. Все знали, что профессор DADA был чрезмерно самоуверен, но они не знали, было ли у него желание смерти или он был слишком самоуверен, чтобы это заметить. Однако это длилось недолго, и как только они выпрямились после церемониального поклона, получатель «Ордена Мерлина третьего класса» был отправлен в полет из-за сверхмощного обезоруживающего чара профессора Снейпа. Зрители были ошеломлены молчанием в основном из-за множества реакций, большинство ведьм не могли поверить, что их любимый профессор был так легко побежден, в то время как некоторые из них начали видеть правду, некоторые другие восхищались силой, вложенной в простое заклинание и его эффективность, в то время как большинство из них осознали правду в Гарри '

Когда аплодисментов не последовало, профессор зельеварения поклонился в общем направлении и сел, высоко подняв голову. Однако побежденный профессор быстро сохранил лицо: «Не волнуйтесь, я просто позволил своему коллеге ударить меня, чтобы показать вам, что даже простое заклинание для первого курса может нанести значительный урон вашему противнику».

Гарри и его друзья должны были признать, что это был мастерский удар. Он не только нарисовал никчемного человека в лучшем свете, но и продемонстрировал истинную суть дуэли, даже простое заклинание может быть эффективно использовано, чтобы вывести из строя гораздо более крупного или могущественного противника.

«Хорошо, а теперь почему бы нам не открыть сцену для нескольких дружеских поединков», -

крикнул профессор Локхарт, вызвав волнение у студентов. Другие профессора попытались возразить, но были быстро ошеломлены бурным принятием декларации. Профессор Локхарт попытался снискать благосклонность двух могущественных дворянских домов и поэтому немедленно вызвал отпрыска дома Малфоев, Драко Малфоя и наследника дома Поттеров, Гарри на сцену для дружеской дуэли. Все надежды на дружеский поединок быстро испарились, когда Драко злобно ухмыльнулся после яростного разговора с парой более старших товарищей по дому.

Украшая самодовольную улыбку, которая соответствовала профессору DADA, Драко выскочил на сцену с чванством, больше созвучным пьянице, чем уверенному дуэлянту. С похлопыванием по спине друзей и соседей по дому и сияющей подбадривающей улыбкой своей девушки Гарри вылез на сцену, надеясь, что его поведение будет излучать уверенность, а не высокомерие.

Как только они поклонились, Гарри присел на корточки, наклонив тело вбок, чтобы стать мишенью как можно меньшего размера. Имея за плечами многочасовые спарринги с Гермионой и профессором Флитвиком, Гарри был тихо уверен в своей способности преодолеть вызов, брошенный Драко Малфоем. Разница между обученными и неподготовленными дуэлями никогда не была более очевидной, чем в нынешнем поединке. Малфой начал с станнера, который остановил бы дуэль, если бы попал, но Гарри перешагнул через него, даже не вспотев. Малфой одну за другой бросал железные ноги, спотыкаясь, щекоча и даже окаменевал, и все, что Гарри нужно было сделать, - это предвидеть целевую область и просто не быть там. По мере того, как Малфой устал, его разочарование усиливалось, и его сглазы не соответствовали цели. На протяжении всей дуэли было очевидно, что Гарри никогда не подвергался опасности. Хотя это выглядело так, будто Малфой бросал проклятия больше часа или около того, исходя из своей усталости, в реальном времени это длилось не более минуты или двух. Истина учения профессора Флитвика была совершенно очевидна для восьми друзей, которые имели возможность поучиться у него. Все это время Гарри сохранял свою магическую энергию, и его физическая форма позволяла ему увеличивать подвижность с минимальными усилиями.

Полностью смущенный и уставший до предела изнеможения, разъяренный Малфой сделал последнюю попытку вернуть себе утраченное достоинство. Направив палочку на пол перед Гарри, он закричал: «*Serpensortia*», и шестифутовая кобра вышла и бесцеремонно упала в паре футов от Гарри.

Явно разъяренная рептилия представляла собой зрелище с черной как смоль чешуей, которая блестела жутким светом, а угрожающее шипение могло охладить кровь любого. Крики наполняли воздух, в то время как самодовольная ухмылка танцевала на лице подражателя аристократа.

Гарри мог просто расслышать гневную тираду кобры сквозь крики в большом зале: «[Парселтанг] Грязные две ноги разбудили меня ото сна. Мои клыки чешутся от вкуса свежей крови». Хотя змея видела Гарри, колебания пола, создаваемые грохотом, и множество шагов, спешащих уйти как можно дальше от смертоносной кобры, сбивали его с толку. Пока Гарри думал о том, как лучше всего избавиться от угрозы, Гермиона начала беззвучно скандировать: «Пожалуйста, не разговаривай с этим, Гарри».

За долю секунды, которая потребовалась Гарри, чтобы принять решение, змея скользнула

почти в сторону сцены дуэлей и была готова броситься на ближайшую жертву, Джастина Финч-Флетчли из Хаффлпафа, который был ошеломлен до состояния неподвижности. Гарри действовал инстинктивно и метким «Эванеско» исчез со змеей. Вместе с исчезнувшей змеей исчезла и ухмылка на лице Малфоя, и, прежде чем он смог понять, что происходит, Гарри за несколько секунд произнес ряд хорошо отработанных заклинаний «Incendio, Agumenti, Avis, Expelliarmus, Accio Wand».

Аффект был сокрушительным для гордости Малфоя. Его волосы загорелись, и их тут же окатила струя холодной воды, которая также пропитала его дорогую мантию, заколдованная стая птиц, нырнувших, разбомбила его, клевая любую незащищенную часть. Пытаясь защититься от птиц, Малфой начал снимать кожу с рук, что открыло ему доступ к обезоруживающему заклинанию, и Гарри ловко поймал палочку. Комбинированная атака птиц и сила обезоруживающего чара Гарри вывели слизеринца из равновесия, он ударился головой о твердую землю и был мгновенно нокаутирован.

Даже когда Малфой был нокаутирован, заколдованные птицы продолжали атаковать, что побудило профессора Снейпа вытащить свою палочку. Это действие вывело профессора DADA из ступора, и снисходительным «Разрешите мне» он начал беспорядочно махать палочкой, вероятно, пытаясь охватить своим заклинанием всех птиц. В конце концов, отказавшись от этого как безуспешного, Локхарт указал на случайную птицу и крикнул «Ивиниска» высоким голосом.

Результат оказался не таким, как он ожидал, хотя и забавным для остальных преподавателей. Вызванные Гарри птицы обиделись на неправильно наложенное заклинание, обратили свой гнев на Локхарта и начали клевать его в сильно накрашенное лицо. Профессор отчаянно пытался отогнать птиц, но еще больше разозлил их. В конце концов он отказался от попытки и убежал из зала, крича, как маленькая девочка, а птицы все еще умудрялись продолжать атаку.

Когда об угрозе птиц позаботились весьма необычным способом, профессор зелий обратил свое внимание на находящегося без сознания Малфоя. Увидев, что ему не угрожает непосредственная опасность, он обратил внимание на Гарри и спросил его без всякой злобы в голосе: «Было ли необходимо приказывать птицам продолжать атаковать мистера Малфоя даже после того, как он потерял сознание?»

Гарри спускался из-за страха, который он испытал, когда змея собиралась атаковать прохожего, и поэтому не желал прощать светловолосого слизеринца: «Я хотел преподать ему урок. С его стороны было крайне безответственно вызывать смертельную змею и не контролировать его, мои птицы не были смертельными для него, но змея была не только для меня, но и для любого члена аудитории. Я мог бы просто прогнать ее обратно к нему и позволить ему разобраться с этим, но я не был уверен, что Малфой знал, как. »

Профессор Снейп кивком головы подтвердил его действия и объяснения и начал левитировать Малфоя в больничное крыло. Гарри случайно взглянул на собравшихся учителей, которые хлопали вместе со всеми собравшимися учениками. Из всех учителей профессора МакГонагалл и Флитвик были в наибольшем экстазе, хотя Гарри и пытался сдерживать себя, Гарри видел в их глазах неистовую гордость. Однако Гермiona не была так сдержана, она подбежала к нему и заключила в самые крепкие объятия, какие только могла.

Отведя Гарри и Гермиону от студентов, мадам Помфри осмотрела его и, не обнаружив, о чем беспокоиться, поспешила за профессором Снейпом. Немного уединения позволило Гермионе прошептать: «Я боялась, что ты заговоришь со змеей Гарри».

"Не то, чтобы змея причинила мне боль?" - прошептал Гарри в ответ, симулируя обиду за предполагаемое бессердечное отношение Гермионы.

Гермиона высокомерно ухмыльнулась: «Я знала, что ты справишься со змеей, но не с шепотом и указанием пальца, если бы ты разговаривал со змеей».

Они от души посмеялись над этим, и Гермиона едва удержалась от того, чтобы снова схватить его и поцеловать, что, по ее мнению, было правильным лечением, чтобы выжить невредимой. Она сдерживалась из-за глазющих учеников; позже было время для этого наедине.

Под приветствия и шлепки по спине Гарри и его друзья отвели студентов обратно в их общежития после того, как их уволили. Каким бы ни был исход поединка или предполагаемый детеныш, в умах восьми друзей было ясно, что им пора изгнать мошенников из школы.

<http://tl.rulate.ru/book/74732/2099638>